

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Артисту Вологодского театра юного зрителя Л. С. Державину исполнилось 75 лет. Почти одновременно с этой знаменательной датой он празднует 55-летний юбилей творческой деятельности.

Любимых его ролей я не видел. Ни Акима во «Власти тьмы» Толстого, ни деда Щукаря в «Поднятой целине» Шолохова, ни Кисельникова в «Пучине», ни часовщика в «Кремлевских курантах», ни почти десятка персонажей в пьесах наиболее чтимого им драматурга Островского. Да и в театре за эти недолгие месяцы я видел его лишь эпизодически. Решил для начала поспрашивать актеров, что проработали с Державиным не один сезон, людей, бок о бок с которыми он прожил долгие годы. Не скрою, разные слова я услышал, и не только хвалебные. Но все без исключения отмечали одно, самое главное с их точки зрения качество юбиляра — «театральный человек».

— Державин? — как правильно раздавалось в ответ. — О! С ним работать одно удовольствие, это же театральный человек!

Что же это за профессия такая, что за звание, почему с таким уважением произносится это таинственное словосочетание?

Мы сидим с Леонидом Сергеевичем в его гримерке. Только что начался «Гамлет». Скоро и ему выходить на сцену. Кстати, именно в этом спектакле я впервые увидел Державина-артиста. Классический спектакль. Праздник театра и актеров. Я — зритель. На сце-

не все интересно, все правильно. Но я еще чего-то жду, на что-то надеюсь. И все чего-то не хватает в этом назубок известном тексте, в этой виденной-перевиденной пьесе, всегда такой знакомой и всегда новой. И вдруг начинается сцена с могильщиками. Одного из них играет Державин. Того самого мудрого философа, достающего из могилы череп шута Йорика. Звучит голос артиста. И сразу оживление в зале, потом смех, потом — произительная тишина. Дойшло, попало! Вот оно, чудо театра, чудо соучастия. Вот оно, то, чего так не хватало мне до этой сцены. И чудно это сотворил на моих глазах артист Леонид Державин. И роль-то совсем небольшая, крохотная, можно сказать. Но как сыгран! Как цементирует она спектакль! Безусловно, фразу о том, что нет маленьких ролей, а есть маленькие артисты, более всего иллюстрирует своей работой старейшина Вологодского ТЮЗа. Даже самые маленькие роли у него становятся большими, глубокими, наполненными содержанием.

Сейчас в гримерке рассказываю об этом своем впечатлении Леониду Сергеевичу. Не слушает. Машет рукой:

— Хотите, лучше расскажу, с чего все началось, — перебивает меня Леонид Сергеевич. — Давно это было, в детстве еще. К нам в маленький ураль-

ский городок приехали вахтанговцы. Как сейчас принято говорить — на выездные гастроли в село. Как они играли тогда, столетние мастера, знаменитости. Бог ты мой! Ни декораций толком не было, ни костюмов. Да и сцена, сами понимаете, сельский клуб. Но зато была удивительная правда актерского перевоплощения. Настоящему актеру, на самом-то деле, все равно, что он видит перед своими глазами, нарисованные ли театральным художником деревья или голый холст, или просто дощатую стену сельского клуба. Он в образе, он играет боль и радость человека. И если он это делает по-настоящему, зритель ему верит. Это главное! Помните у Станиславского, его знаменитое: «Если был». В этом магическом «если бы» и есть актерская сущность. Именно в тот день, на спек-

такле вахтанговцев, меня как бы «обожгло» театром. Обожгло на всю оставшуюся жизнь.

Вот это «обожгло театром» и есть, наверное, самое главное в артисте Державине, отсюда, наверное, и начался его путь, и его высокое звание «театральный человек».

Рассказать о более чем полувековой жизни на сцене практически невозможно. Здесь же я приведу только некоторые ее этапы.

Рабочий одного из уральских заводов поступает в театральную студию Свердловского драмтеатра. С 1941 года Державин работает артистом в Абаканском драматическом театре в Хакасии. Навсегда останутся в биографии Державина города Свердловск, Златоуст, Пермь, Воткинск, Челябинск, Абакан, Агинск, Красноярск, Кустанай, Липецк, Армавир, Ульяновск... И все же Вологда и вологодский театр — это самый значительный период творческой жизни артиста, период его зрелого мастерства.

Совсем недавно смотрел спектакль «Во имя отца и дочери», где в одной из главных ролей Державин. Этот спектакль играется в фойе. Понимаю, как трудно артисту играть буквально в метре от зрителей, как непросто создать образ, когда ничего под рукой нет — голая площадка и все. Даже партнеров практически нет. Одна единственная партнерша на весь спектакль. Но уже через минуту я забыл, что

передо мной артист Державин. Я видел старого, может быть, умирающего уже профессора. Я верил, что он лежит в больнице, что ему тяжело, что ничего у него по сути не осталось в жизни, кроме дочери. Действительно, только зрелый мастер в состоянии создать такой образ. И только поистине театральный человек в свои 75 лет способен переучиваться в чем-то, экспериментировать. А театр в фойе — это, конечно же, эксперимент.

«С ним легко работать. С ним легко жить в театре», — не перестают повторять его коллеги.

Легко и ответственно. Если в театре премьера, то первым поздравит Леонид Сергеевич. Не забудет купить торт, поставить его в гримерку к актрисам. Не забудет преподнести цветы дебютанту. И, конечно же, скажет доброе слово.

Пересматриваю подшивки старых газет. Только в «Красном Севере» с десяток статей Державина. И все о сельских гастролях. И сколько мыслей, разумных предложений, сколько доброты к простым людям из глубинки! Откуда же у него такая сила, такая выносливость, такое желание играть даже для двадцати зрителей, в каком-нибудь полуразвалившемся клубе? Сам артист отвечает на этот вопрос в одной из газетных публикаций. «Вера — имя этой силе. Вера в то, что давняя мечта великих просветителей Отечества о театре для народа, театре-кафедре отвечает насущнейшей потребности сегодняшнего села».

Хочется добавить. И еще любовь. Великая, беззаветная любовь к театру.

Ю. АЛЕКСЕЕВ.